

УДК 821.161.1'04–31
ББК 83.3 (2Рос=Рус)1–44

ОТ ДРУЖИННОЙ ЛЕТОПИСИ – К ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ: ОТРАЖЕНИЕ НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XI–XVI ВЕКОВ

© С. Н. Лютов, 2010

*Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15*

Анализируются исторические и культурные факторы зарождения в Древней Руси военного летописания и формирования в древнерусской литературе жанровой разновидности – воинской повести.

Ключевые слова: летопись, книжность, литературный памятник, военное дело, воинская повесть.

The article analyzes historical and cultural factors of the origin of military chronicles in ancient Russia and the formation a genre variety in ancient Russian literature – war stories.

Key words: chronicles, booklore, a literary monument, military affairs, war story.

Поиск сведений о начальных этапах истории книги, закономерно обращает исследователей к древней литературе и истокам зарождения книжности, выявляя при этом некоторые противоречия. Содержание противоречий обусловлено многогранностью книги, как сложного социально-культурного явления, и множеством понятийных подходов в его осмыслении. Если исходить из формального представления о книге как сброшюрованном блоке определенного объема, то для установления начального рубежа ее истории достаточно выяснить время и условия появления. Если же изучать книгу с позиций сущностного подхода, рассматривая как средство отражения объективной реальности и способ развития общественного сознания, то необходимо проследить развитие общественных воззрений в той или иной сфере деятельности и степень их отражения средствами письменности или книжного дела, что позволит судить о книге не только по ее материально-конструктивным признакам, но и дифференцировать по функциональному предназначению, типу-видовой принадлежности и иным сущностным и специфическим признакам.

Задавшись целью обобщить сведения о письменных способах отражения ранних этапов развития военного дела и проанализировать исторические предпосылки появления военной книги, мы будем придерживаться сущностного подхода, поскольку углубление в историю русской военной книги приводит к пониманию, что печатному эта-

пу предшествовало время длительной эволюции военной темы в устном народном творчестве и в древнерусской письменности, а изучать эти явления, опираясь лишь на формальные представления о книге невозможно.

В большинстве опубликованных трудов по истории литературы XI–XVII вв. военная тема отражена, как правило, в контексте генезиса русской исторической беллетристики. Это вполне объективно, так как применение военной силы в то время было постоянным и повсеместным. Отмечая место данной темы в древнерусской литературе, Д. С. Лихачев подчеркивал, что «она очень для нее характерна и важна, а для русской истории значительна» [5, с. 9].

В свое время очень заинтересованно отнеслись к изучению древних произведений военной тематики известные исследователи истории древнерусской литературы А. С. Орлов (Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902, Героические темы древней русской литературы. М., Л., 1945), С. К. Шамбинаго (Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906), В. П. Адрианова-Перетц, Д. С. Лихачев, А. Н. Робинсон (Воинские повести Древней Руси. М., Л., 1949), Н. В. Водовозов (Русская воинская повесть XIII в. М., 1958). Современные ученые находят новые аспекты в истории литературных памятников, как например, в диссертационных исследованиях Г. П. Енина Повесть о победах Московского государства (вновь найденный памятник древнерусской литерату-

ры XVII в.). Л., 1980, М. В. Мелихова (Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественной трансформации жанра в литературной и рукописной традиции XV–XVIII вв. СПб., 2003) и др.

Военные историки также не могли обойти вниманием произведения древности, выявляя по крупицам реальные исторические сведения, позволяющие воссоздать военную историю Древней Руси. Наиболее интересная и содержательная работа в этом плане – «Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год» (СПб., 1853) Н. Н. Обручева. Сопоставление оценок ранних произведений военной тематики, высказанных по результатам литературоведческих и военно-исторических изысканий, позволит, на наш взгляд, получить более объективное представление о степени отражения средствами письменности и книжности процесса развития военного дела на Руси.

В историко-литературных исследованиях, как видно даже из названий перечисленных трудов, все сочинения героико-патриотической тематики вплоть до XVIII в. обобщались, как правило, термином «воинские повести», и лишь в работах А. С. Орлова употребляются понятия «дружинные княжеские летописи», «дружинная литература» [8, с. 3–4]. На наш взгляд, такое выделение наиболее ранних воинских летописей в отдельную группу представляется вполне уместным как с точки зрения хронологического измерения, поскольку позволяет в семивековой эпохе воинских повестей вычленивать первые военные летописи, так и для анализа произведений письменности как способа отражения качественных перемен в развитии военного дела на начальных этапах. При этом А. С. Орлов не обособляет дружинные летописи от воинских повестей, но выделяет их как начальный этап военного летописания в процессе становления древнерусской исторической беллетристики.

Хронологически период «дружинной» литературы, которая существовала наравне с обычной «книжной», он связывает с «начальной порой русского феодализма» и первые «воинские элементы» усматривает в древнейших из дошедших исторических летописях, в том числе в «Повести временных лет». Завершение же периода дружинной летописи соотносено со «Словом о полку Игореве», которое А. С. Орлов называет «замечательным образцом» дружинной литературы [8, с. 4]. Таким образом, есть основания с определенной долей временной условности обозначить хронологические рамки развития дружинной княжеской летописи с конца XI по XII в. Кроме того, важным аргументом обозначения исходного рубежа является появление на Руси в XI в. переведенной «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, которая оказала

значительное влияние на последующую литературу, прежде всего – на летописи и воинские повести [6, с. 9]. Определение XII в. в качестве завершающего рубежа в истории «дружинной» литературы подтверждается позицией Н. В. Водозова, который начинает изложение следующего периода истории русской воинской повести XIII в. с «Повести о битве на Калке», отмечая, что эта повесть «вышла из дружинной среды... и очень близка в идейном отношении к “Слову о полку Игореве”» [1, с. 25].

В древнейших литературных памятниках военные летописи были неотъемлемой частью исторического повествования, в котором главный герой – князь, участвовал со своей дружиной во внутренних междоусобицах или в военных столкновениях с захватчиками, посягавшими на Русские земли. Значение дружинных летописей для дальнейшей эволюции военной темы в древнерусской литературе заключается, по мнению А. С. Орлова, в том, что в них сформировался своеобразный шаблон описания боевого столкновения, соединивший наиболее стойкие фрагменты: «в силе тяжце», «пылая гневом», сияние доспехов «яко солнце», «и бысть сеча зла», «стрелы идяху, аки дождь», «кровь течаше, яко река», мертвые «падаху, яко снопы» и т. п. [8, с. 4]. Подобное стилистическое оформление первых произведений, в котором живой язык и устная поэзия переплетались с элементами книжности, прежде всего церковной, стало типичным для воинских летописей и повестей.

Военно-исторический разбор первых дружинных летописей более сдержан. Н. Н. Обручев, ссылаясь на «Исследования, замечания и лекции о русской истории» М. П. Погодина, в третьем томе которых выбраны все места из «Повести временных лет», относящиеся к военному делу славян, представляет «вкратце результат, который можно было из них вывести» [7, с. 9]. Из его обзора следует, что общее название для войска было вои, что главную важнейшую часть вои составляла дружина, которая являлась советом князя, что все вои, и в особенности дружина, имели право на участие в добыче. Дружина пользовалась полной свободой, поступала как хотела во всех случаях, кроме службы. У каждого князя была своя дружина; воеводы кроме того имели и отроков. Начальником воев после князя был воевода. Относительно образа ведения войны, известно, что война являлась («хочу на вы ити»); оружие состояло из мечей, копий, стрел, ножей, сабель, броней и щитов. Стан, где воины останавливались, иногда окупывался. К битве войско делилось на три части: середину, правое и левое крыло. Сражение начинал князь; в схватках противники секлись мечами. В итоге слабейшая сторона бежала или запиралась

в городе, который осаждался или брался приступом («взя град копьем»).

Выявленные оценки дружинных летописей, вошедших в древнейший из дошедших литературных памятников – «Повесть временных лет», будем считать исходным уровнем эволюции военной темы в контексте истории древнерусской литературы и первым опытом влияния книжности на отражение военной реальности. Литературные памятники последующих столетий дадут нам дополнительный материал.

Характернейшим памятником дружинной литературы назвал А. С. Орлов «Слово о полку Игореве», посвященное неудачному походу Игоря Святославовича Новгород-Северского в Половецкую землю в 1185 г. Происхождение «Слова...» из дружинной среды он доказывает «отличным знанием автором междукняжеских отношений, близостью к быту княжеской братии, общим тоном рыцарственной воинственности, выраженной терминами и метафорами воинского обихода, лозунгом воинской чести и славы» [8, с. 33]. Изучение стилистических особенностей этого литературного памятника показывает, что автор «Слова...», предпочитая живую, устную речь, использовал и изысканные выражения, характерные для переводных произведений, демонстрируя, тем самым, знакомство с «книжным» стилем и возводя, в итоге, изустную поэзию «на степень образования письменного, на степень искусства» [8, с. 35]

Отдавая должное литературным достоинствам и высокой идейной направленности «Слова о полку Игореве», выразившейся в призыве к единению русских князей перед нарастающей военной угрозой, отметим, что с точки зрения отражения собственно военного дела это произведение демонстрирует в большей степени воинственный пафос, нежели достоверность. Характеристика русского войска сводится к образному описанию внешних проявлений воинственности: «...мои-то Куряне лихие наездники, под трубами пеленаты, под шеломами взлелеяны, концом копья вскормлены; дороги им известны, овраги им знакомы, луки у них гибкие, колчаны открытые, сабли наточены, только и знают, что рыскать как серые волки в поле, ища себе чести, а князю славы» [4, с. 107]. В таком же стиле описывается и сражение с половцами: «О Русь, уже ты спустилась под гору! Чу ветры, Стрибоговы внуки, дуют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы! Земля дрожит, реки мутно текут, пыль по полям стелется, знамена скрипят, Половцы идут от Дона и от моря, и со всех сторон окружили полки Русские. Дети бесовские криком поля оградили, а храбрые сыны Руси загородили багряными щитами. Ярый тур Всеволод! Ты стоишь в передовых, прыщешь на воинов стрелами, стучишь по шлемам их мечами булатными; где

тур проскакал своим золотым шлемом сверкая, там лежат поганые головы половецкие; раздроблены шлемы аварские твоими закаленными саблями...» [4, с. 107]. Ссылаясь на эти выписки, Н. Обручев справедливо считает, что данный памятник древнерусской литературы «мало поясняет наше военное дело в древности»; в нем, «кроме исчисления оружия, коим владели наши предки, можно заметить только, что физическая сила и одиночные схватки были главными действующими в битвах» [7, с. 10–11].

Аналогичной оценки заслуживают и другие литературные памятники военной тематики конца XII–XIII вв., лучшими из которых, бесспорно, являются «Повесть о битве на Калке», «Повесть о разорении Рязани Батыем», и «Повесть о мужестве и житии князя Александра Ярославовича Невского». Не вдаваясь в подробности дискуссий историков древнерусской литературы об этих произведениях, отметим некоторые резюмирующие моменты. Эти повествования вышли из дружинной среды, сохранив черты дружинной княжеской летописи; в них очевидно идейное сходство, а зачастую и заимствование стилистических элементов «Слова о полку Игореве» [1, с. 25]. Вместе с тем эти повести демонстрируют все большее проникновение в их стилистическое оформление, базирующееся на устном народном творчестве, элементов переводной и русской церковной книжности и, как следствие, по своей литературной форме они все более отличаются от традиционной летописной повести, знаменуя, тем самым, последовательное развитие военной темы от дружинной летописи к типичной воинской повести. Характерно в этом плане предположение Н. В. Водовозова по поводу авторства и названия повести об Александре Невском, суть которого в том, что первооригинал этого произведения был дружинно-воинским, а обработка была монастырской, откуда и двойственное название «Повесть...» и «Житие...» [1, с. 112].

Преемственность от княжеской летописи к воинской повести подтверждается и в анализе «Повести о разорении Рязани Батыем» Д. С. Лихачевым, который считал, что эта повесть создана на основе утраченной летописи, дополненной народными сказаниями, которые «не только дали автору основные сведения, но и определили художественную форму повести, сообщив ей и местный колорит, и глубину настроения, отобразив и художественные средства выражения» [2, с. 141–142]. Отмечая разумное сочетание в повести элементов книжности и устного народного творчества, Д. С. Лихачев подчеркивает, что «автор составлял не былину и не историческую песнь, но в своем книжном произведении он прибег только к тем книжным художественным средствам, которые не противоречили его собственным народным вку-

сам, и к тем средствам народной поэзии, которые можно было ввести в книжность без решительной ломки всей книжной системы творчества средневековья» [2, с. 142].

Особое место в истории древнерусской литературы занимают воинские повести, посвященные «Мамаеву побоищу» – Куликовской битве 8 сентября 1380 г., в которой объединенное русское войско одержало историческую победу над превосходящим по численности войском хана Мамаю. В так называемый Куликовский цикл входят «Задонщина», краткая и пространная летописная повесть и «Сказание о Мамаевом побоище». К этому же циклу примыкают «Житие Сергия Радонежского» и «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». Многие вопросы их литературной истории, особенно хронологического порядка, остаются спорными, что в принципе не влияет на предмет нашего анализа – отражение средствами развивающейся книжности новых элементов в развитии военного дела.

С точки зрения большей приверженности книжной традиции, авторов этих произведений мнения исследователей, в целом, совпадают. Так, С. К. Шамбинаго, который в начале XX в. «проследил, по мере возможности литературную историю повестей о Мамаевом побоище», выделил следующее: «Вводя в содержание материал, представляемый устными преданиями, повести пользуются кроме того всем запасом тогдашней письменности: редакторы цитируют различные книги священного писания, знакомы со множеством житий святых, мимо них не проходит ни один крупный литературный памятник (Александрия, Повесть о взятии Цареграда и пр.)» [10, с. IV]. В последней четверти XX в. Л. А. Дмитриев, отмечая тесное переплетение в литературных памятниках Куликовского цикла элементов устного народного творчества с приемами книжной риторики, охарактеризовал «Задонщину» как «книжно-риторическое произведение с ярко выраженной церковно-религиозной окраской», а стилистическое своеобразие «Сказания о Мамаевом побоище» усмотрел в «объединении в пределах единой поэтической фразы устно-эпических по своему характеру оборотов с книжно-риторическими образами и словосочетаниями» [3, с. 347, 350–351]. Эти оценки свидетельствуют, о все большем проникновении элементов книжности в военные повести. Именно книжная природа обусловила их популярность у древнерусских читателей и долгую жизнь в качестве произведений письменности: «Рукописи в большом количестве изготовлялись на продажу, иллюстрировались, читались, очевидно, всеми классами общества... Отражая на себе перемены в общественной и политической жизни, повести становились произведением вполне современным, и это

обстоятельство еще более расширяло круг их читателей» [10, с. IV].

У военных историков «Сказание о Мамаевом побоище» стало хрестоматийным произведением [9]; фрагменты из него и других повестей Куликовского цикла в том или ином виде широко используются в военно-исторических трудах. Но примечательно то, что и литературоведы не обошли вниманием элементы сугубо военного характера. Так, С. К. Шамбинаго подчеркнул, что «...нельзя оставить без внимания указания на два момента боя, на роль засадного полка, на распределение воевод на поле битвы, на случай с великим князем» [10, с. VI]. Это свидетельствует о том, что тактические приемы, применявшиеся великим князем Дмитрием и воеводами накануне и в ходе Куликовской битвы, отражены в редакциях «Сказаний...» настолько реалистично, что они заметны даже для исследователя, не обладающего специальными знаниями из области военного искусства.

Наряду с типичными для воинских повестей приемами (воинские призывы, упование на божью помощь, описание оружия, образные сравнения сражения с грозой, а воинов с птицами и т. п.) в «Сказании...» показаны новые тактические приемы, суть которых понятна даже современному читателю. Прежде всего, это относится к организации разведки (сторожи), выбору места сражения и построению боевого порядка (расстановка полков), выделению резерва (засадного полка). В частности, есть конкретные упоминания о посылке сторожевых застав с задачей увидеть передовые татарские отряды и определить их намерения. Сторожевой полк выполнил свою задачу, добыл знатного пленника (языка), который сообщил, что Мамай уже подошел к Дону и ожидает подхода союзников: «Ныне бо царь есть на Кузмине гати, не спешит же убо, но ожидает Олга рязанского и Ягайла литовского». Эти сведения помогли определить место сражения. На военном совете было решено переправиться через Дон, сжечь мосты, чтобы не было ни одного помышляющего об отступлении, и занять выгодное для сражения место. Расстановка полков была очень тщательной – «до шестого часа», при этом наиболее надежный полк с опытными воеводами был в качестве резерва отведен в засаду – «зеленую дубраву». Ночь перед сражением преподносится автором как «испытание примет», но, по сути, это способ разведки, так как ночью звуки слышны отчетливее, а огни позволяют уточнить расположение противника относительно своих войск.

Описание Куликовской битвы, ее исход и значение весьма подробно прокомментированы многими специалистами. Рассмотрим некоторые оценки, характеризующие литературную зрелость воинских повестей XV–XVI вв. и их влияние

на дальнейшую эволюцию военной темы. Так, М. В. Мелихов, дополняя анализ повестей Куликовского цикла скрупулезным изучением «Повести о взятии Царьграда турками»¹, отмечает, наряду с расширением круга книжных источников, формирование «этикетных формул воинского повествования» [6, с. 10]. Логика его рассуждений приводит к выводу, что традиционная русская военная повесть достигла в XV – начале XVI в. апогея в своем развитии, поскольку, по его мнению, «во второй половине XVI в. начинается разрушение этикета в жанре воинского повествования, о чем с очевидностью свидетельствует “Казанская история” – синтез эпоса, летописи и воинской повести» [6, с. 15]. Такая оценка, особенно в части «разрушения этикета в жанре воинского повествования», представляется, на наш взгляд, не вполне обоснованной. Ситуация, не по времени, а по сути, схожа с эволюцией военной темы на рубеже XII–XIII вв., но ведь никто не находит оснований утверждать, что воинские повести XIII в. разрушали какие-либо формулы, сформировавшиеся в дружинной княжеской летописи и представленные в «Слове о полку Игореве». Несомненно, какие-то элементы «уходят» из жанра, заменяются новыми, но это не разрушение, а развитие. Равно как на рубеже XII–XIII вв. активное проникновение элементов книжности обусловило новый облик воинской повести по сравнению с дружинными летописями, так и в середине XVI в. воинская повесть приобрела новое качество вследствие определенных стилистических и сюжетных изменений, а также по причине расширения круга документальных источников и возрастающего предпочтения авторами реальных исторических событий и фактов. Эти перемены заметны и в «Казанской истории», и в воинских повестях XVII в., но это предмет отдельного анализа.

В заключение, попытаемся резюмировать представленные обобщения об эволюции военной темы в древнерусской литературе и степени отражения в русских воинских повестях реальных событий истории и элементов военного искусства.

Во-первых, пристальный взгляд на эволюцию военной темы в контексте истории древнерусской литературы с учетом некоторых выводов и мнений историко-литературоведческого и военно-исторического характера дает основания для выделения трех

периодов в истории русской военной повести: начальный период (XI–XII вв.) был периодом зарождения жанра воинской повести в форме дружинных княжеских летописей; второй период (XIII – начало XVI в.) характеризуется развитием традиционной русской воинской повести в классических (эталонных) образцах, свойственных этому жанру; в воинских повестях третьего периода (с середины XVI до XVIII в.), наряду с типичными шаблонами воинского повествования появляются элементы, на которых впоследствии сформируется новый литературный жанр – военно-исторический роман.

Во-вторых, жанр воинской повести появился на слиянии двух традиционных течений: устных народных преданий о военных событиях древней русской истории и развивающейся книжности, как переводной, так и русской церковной. По мере проникновения элементов книжности в традиционное летописание совершенствовались стилистические приемы, и изменялось в сторону большей реалистичности отражение военных событий и военного дела.

Список литературы

1. *Водовозов Н. В.* Русская воинская повесть XIII века // Учен. зап. Т. 87. Каф. рус. лит. Вып. 7. – М. : [б.и.], 1958. – 181 с.
2. *Воинские повести Древней Руси.* – М. ; Л., 1949. – 358 с.
3. *Дмитриев Л. А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. – М. : Наука, 1982. – С. 306–359.
4. *За землю Русскую! : Памятники литературы Древней Руси XI–XV вв.* – М. : Сов. Россия, 1981. – 518 с.
5. *Кто с мечом : Три произведения древнерусской литературы XIII–XV вв.* – М. : Молодая гвардия, 1973. – 128 с.
6. *Мелихов М. В.* Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в литературной и рукописной традиции XV–XVIII вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2003. – 32 с.
7. *Обручев Н. Н.* Обзор рукописных и печатных памятников, относящихся до истории военного искусства в России по 1725 год. – СПб., 1853. – 151 с.
8. *Орлов А. С.* Героические темы древней русской литературы. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1945. – 143 с.
9. *Хрестоматия по русской военной истории.* – М., 1947. – 640 с.
10. *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. – СПб., 1906. – 190 с.

Материал поступил в редакцию 28.01.2010 г.

Сведения об авторе: *Лютов Сергей Николаевич* – доктор исторических наук, профессор, тел.: (383) 266-26-30, e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

¹ Эта повесть в данной статье подробно не рассматривается, так как не отвечает предмету нашего анализа – отражению развития военного дела на Руси.